

СТАТЬИ

КОНКРЕТНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

М. П. Губенко, Б. Г. Литвак

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые стороны развития источниковедения истории советского общества за последние годы. Понятие источниковедения трактуется здесь расширительно, включая вопросы собирания, публикации и методики анализа источников. Конечно, авторы отдают себе отчет в том, что в данном случае объединяются три специальные дисциплины — архивоведение, археология и собственно источниковедение, но конкретный процесс развития источниковедения истории советского общества требует комплексного их рассмотрения¹.

Объективные условия для развития советского источниковедения были созданы с момента возникновения Советского государства. Архивное дело было централизовано, а публикация документов стала задачей государственного значения. Уже в предисловии «От Истпарта» к первому номеру журнала «Пролетарская революция» содержалась своеобразная программа научной разработки источников новейшего времени: давалась характеристика их важнейших видов, показывалась зависимость достоверности сообщаемых в них фактов не только от того, кто является их автором, но и от времени и формы возникновения источников. Был поставлен вопрос о соотношении различных видов источников, например, документальных материалов и воспоминаний, о необходимости комплексного изучения источников независимо от их происхождения. Важно отметить, что положения тогда еще не опубликованной ленинской статьи «Статистика и социология» получили конкретное отражение в тезисе предисловия: «Все без исключения документы... являются ценнейшим материалом для истории пролетарской борьбы. Нет возможности, разумеется, напечатать их все целиком: мы будем печатать лишь наиболее крупное, яркое и характерное, помещая одновременно сводки, небольшие монографии, основанные на более полном изучении материала»². Это принципиально важное замечание свидетельствует о том, что с самого начала становления советского источниковедения отбор документов для публикации рассматривался как вынужденное явление, обусловленное «типографскими возможностями»³, а в качестве обязательного спутника публикуемых документов выступала сводка, основанная на наиболее полном изучении источников.

¹ Для краткости в дальнейшем употребляется термин «советское источниковедение».

² «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 7.

³ Там же, стр. 4.

Наконец, в предисловии ставилась задача расширить рамки источниковедения, сделать источники и приемы работы над ними достоянием не только «самых узких специалистов», но и широкого круга историков. «Исторически работать можно научиться только на первоисточниках: человек, который никогда ничего не видал, кроме чужих «изложений», никогда не делается ученым, навсегда останется дилетантом»⁴.

Издание сочинений В. И. Ленина⁵, работа над серийными публикациями⁶, деятельность «Красного архива» обогатили практику источниковедения. Накопление материала шло и в предвоенные и в послевоенные годы.

Решения XX съезда КПСС, ознаменовавшие резкий поворот в жизни всей нашей страны, внесли существенные изменения и в развитие советской науки. Известный перелом произошел в разработке и публикации источников по советскому периоду. С 1956 г. в научный оборот было введено значительно большее количество источников, чем за все предшествующие годы Советской власти. Возникла острая необходимость общения накопленного опыта. Между тем до 1961 г. не было ни одной статьи, где была бы сделана попытка подвести итоги и наметить перспективы дальнейшего развития советского источниковедения. Знаменательно в этом отношении то, что сборник, посвященный развитию исторической науки за период между XX и XXII съездами КПСС⁷, содержит лишь одну обзорную статью (Д. А. Чугаева), посвященную вопросам археографии, а в библиографии сборника значится весьма скудное число работ, имеющих отношение к советскому источниковедению.

Где следует искать причины этого явления? Отвечая на этот вопрос, И. С. Смирнов приводит в своей статье⁸ в основном известные факты о субъективистских ошибках в вопросах публикации источников и их интерпретации. Но, избавившись в основном от этих ошибок, советское источниковедение пока еще не достигло каких-либо ощутимых успехов. Следовательно, есть причины не только субъективного, но и объективного порядка, влияющие на развитие этой вспомогательной дисциплины.

Самое заметное явление в советском источниковедении последних лет — статья В. П. Данилова и С. И. Якубовской⁹. В ней определяются возможности применения методики анализа источников дореволюционного времени к источникам советской эпохи. Учитывая, что эта методика в последние десятилетия разрабатывалась довольно интенсивно, следует признать, что В. П. Данилов и С. И. Якубовская правильно, на наш взгляд, нашли основной рычаг, который поможет быстрее ликвидировать отставание советского источниковедения. Они доказали ту простую истину, что, несмотря на принципиальное отличие источников советской эпохи от дореволюционных, приемы их изучения в целом одинаковы; проверка достоверности фактов, изложенных, например, в отчете советского учреждения, так же нужна, как и при изучении, скажем, губернаторских отчетов. Коль скоро это так, то советское источниковедение будет развиваться на прочной базе тех приемов источниковедческого анализа, которые уже выработаны двухвековым опытом русской исторической науки.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Интересную сводку по истории всех изданий сочинений В. И. Ленина дала Р. М. Савицкая в статье «Из истории издания сочинений В. И. Ленина» (см.: «Книга. Исследования и материалы». Сборник V. М. 1961, стр. 27—56).

⁶ Обзор их см.: С. П. Валк. Советская археография. М.-Л. 1948, гл. VI.

⁷ См. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М. 1962.

⁸ И. Смирнов. Достоверные факты — основа исторического исследования. «Коммунист», 1962, № 3, стр. 75—84.

⁹ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 3—24.

В статье вместе с тем сделана попытка показать не только тождественность, но и различие в приемах источниковедческого анализа, наметить новые пути их развития. Авторы обращаются к вопросам так называемого теоретического источниковедения и здесь, на наш взгляд, сталкиваются с непреодолимыми препятствиями, обусловленными тем, что советское источниковедение еще не накопило достаточно материала для теоретических обобщений. Возьмем такой вопрос, как определение понятия «источник». Авторы правильно, вслед за Л. В. Черепниним, рассматривают источник с точки зрения его классового происхождения и политической направленности. Однако такой подход к источнику они распространяют лишь на переходный период в истории советского общества, считая, что «для советских источников эпохи победившего социализма вопрос об их классовой и политической направленности принципиально изменяется в силу того, что эксплуататорские классы, классовый антагонизм внутри общества ликвидированы»¹⁰. В другом же месте, говоря о задачах критики источника и отвергая идеалистическое понимание ее буржуазными источниковедами, авторы пишут: «Вместо выделения классовой и политической направленности источника на первый план выдвигается изучение психологии и душевного состояния его автора»¹¹. Как же мыслят себе сами авторы научную критику источников, возникших в последние десятилетия? Как, по их мнению, отразилось на природе источника отсутствие эксплуататорских классов в нашей стране? На эти вопросы, к сожалению, ответа в статье нет. Общее определение характера исторического источника периода победившего социализма нам представляется довольно умозрительным. Любая попытка наполнить конкретным содержанием это определение наталкивается на многие трудности: ведь никто не станет отрицать классовый характер советских источников, отражающих историю взаимоотношений нашей страны с капиталистическим миром или историю идеологической борьбы.

Вызывает возражения и мысль авторов о двух подходах к критике «исторических остатков» и исторических традиций. Правильно отметив условность классификации источников по степени близости их к отраженному событию, они ссылаются далее на мнение М. Н. Тихомирова, высказанное в 1940 году: «Исторические остатки являются более правдивым материалом, чем историческая традиция»¹². Авторы не замечают при этом, что условность деления снимает и различие подхода к источникам не только в зависимости, как они пишут, от целей исследования. Решения съездов Советов, например, остаются «историческим подлинником» (пользуясь новым термином, применяемым М. Н. Тихомировым), ибо они отражают определенное историческое действие людей, но вместе с тем они — историческая традиция, так как отражают впечатления и выводы людей об исторических фактах, участниками которых они могли и не быть. Следовательно, не столько в нашем представлении, когда мы приступаем к изучению источника с определенной целью, а объективно это деление источников весьма условно.

Авторы полагают, что когда речь идет об «исторических остатках», то достаточно «установить их подлинность, чтобы определить тем самым и подлинность исторического факта». Установление же достоверности его — это уже дело «собственно исторического анализа». Для исторической традиции, наоборот, эти две стороны анализа — прерогатива источниковедения. Можно было бы не обращать внимания на этот умозрительный подход, если бы он в какой-то мере не оправдывал наивную

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ Там же, стр. 9.

¹² М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Т. 1. М. 1940, стр. 7. В новом издании «Источниковедения истории СССР» (М. 1962) М. Н. Тихомиров переработал параграф «Понятие об историческом источнике», в котором теперь вообще отсутствует термин «исторические остатки».

веру в «непогрешимость» «исторического остатка», особенно сказывающуюся в своеобразном «архивном фетишизме», о котором очень уместно сказано в статье¹³. К чему приводит иногда слепое доверие к «историческому остаткам», можно судить по такому, например, случаю. Несколько лет назад в «Историческом архиве» был опубликован ряд новых материалов о героях гражданской войны. Среди них — два автографа Г. И. Котовского и В. М. Азина¹⁴, которые, казалось бы, вносили существенные поправки в биографии этих полководцев. Однако тщательное сопоставление сведений, содержащихся в этих архивных документах, и живых свидетельств близких людей и соратников этих исторических деятелей привело к выводу, что документы, хотя и являются автографами, содержат недостоверные сведения.

Пример о решениях съездов Советов, которым пользуются авторы, также убеждает в том, что исследователь не должен полагаться на достоверность фактов, отраженных в документе, исходя только из его происхождения, ибо оно, помогая, конечно, выяснить достоверность источника, не определяет ее заранее.

Вряд ли правомерно мнение авторов о том, что первая стадия критики источника (установление его подлинности, авторской принадлежности, места и времени его создания и анализ внешних особенностей) «значительно упрощается и облегчается применением к источникам новейшего времени». Если учесть совершенно справедливое замечание В. П. Данилова и С. И. Якубовской, что «задачей первой стадии источниковедческого анализа следует считать выяснение происхождения источника как в узком, так и в широком смысле этого слова»¹⁵, то надо признать, что эта задача вовсе не облегчается, а значительно усложняется. Достаточно перелистать страницы любого тома «Декретов Советской власти» — одной из лучших советских публикаций, — чтобы убедиться в том, какого огромного труда стоит установление текста, происхождения отдельных его вариантов и их авторства. Установление текста и происхождения источника — неотъемлемая часть первой стадии его критики — сложнейшая проблема и для документов новейшего времени. Об этом свидетельствует и опыт самих авторов рассматриваемой статьи¹⁶.

Ближе к истине в этом вопросе А. И. Гуковский, утверждающий, что «при изучении истории советского общества вспомогательные дисциплины столь же, если не более, необходимы, как и при исследовании проблем истории дореволюционного периода»¹⁷.

Нечеткость некоторых теоретических рассуждений не помешала В. П. Данилову и С. И. Якубовской прийти к правильному выводу о том, что «созданию крупных обобщающих и теоретических работ, а также учебников по источниковедению советского периода» должна предшествовать разработка так называемого конкретного источниковедения, то есть описание и анализ отдельных видов источников¹⁸. Хороший пример того, как должно идти это изучение, показали сами авторы статьи, дав интересную, богатую фактами и критическими замечаниями сводку состояния изучения источников по проблемам национального строительства и истории советского крестьянства.

Статьей В. П. Данилова и С. И. Якубовской не ограничиваются попытки теоретического обобщения вопросов источниковедения. На стра-

¹³ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Указ. соч., стр. 8, 16.

¹⁴ См. «Исторический архив», 1958, № 4.

¹⁵ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Указ. соч., стр. 10.

¹⁶ См. С. И. Якубовская. Строительство союзного советского социалистического государства. М. 1960, стр. 77; В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М. 1957, стр. 21—22.

¹⁷ А. И. Гуковский. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 49.

¹⁸ См. В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Указ. соч., стр. 23.

ницах журнала «Вопросы истории КПСС» развернулось обсуждение задач источниковедения истории партии. В этой дискуссии выявился схоластический подход некоторых ее участников к вопросу определения источника по истории КПСС, ибо вряд ли вообще имеет смысл особо выделять источник как таковой для этой области истории и отличать его от источника, скажем, по истории СССР. Не случайно на это же обстоятельство указала и итоговая статья журнала¹⁹.

Нельзя признать удачной и формулировку предмета источниковедения, заимствованную М. А. Варшавчиком — зачинателем дискуссии — у В. И. Стрельского. Внешне эта формулировка выглядит внушительно: «Предмет источниковедения — это не просто «сами источники», а закономерности возникновения исторических источников и отражения в них явлений объективного исторического процесса»²⁰. Прежде всего разберем саму формулировку и попытаемся выяснить, какое содержание автор в нее вкладывает. Совершенно неясно, почему в предмет источниковедения включается только проблема возникновения источников. А их исчезновение? А как быть, когда до нас дошли лишь остатки этих источников? Чья это область исследования? Ведь если бы источниковеды только констатировали факт возникновения источников и определяли закономерность их появления, то мы лишились бы большей части ленинского литературного наследия, которое было разыскано позднее. Формулировка М. А. Варшавчика отнимает у источниковедения драгоценное право науки на поиск, на реконструкцию источников.

«Каковы же те закономерности, которые составляют предмет источниковедения как науки?» — спрашивает М. А. Варшавчик и отвечает: «К числу таких закономерностей можно было бы отнести следующие: объективная конкретно-историческая обусловленность появления источника, отражение в источнике классовой позиции автора и влияние ее на содержание источника; влияние прямого назначения источника на его содержание; соответствие содержания источника месту автора в отражаемых событиях, объективным и субъективным возможностям автора отразить события; связь и взаимозависимость данного источника с другими, в совокупности отражающими объективный исторический процесс»²¹. Мы специально привели эту длинную цитату, чтобы читатель легко мог убедиться в том, что под «закономерностью» подразумевается анализ (разбор), критика источника. Зачем же нужно было усложнять ясный вопрос?

Материалы дискуссии и особенно статья В. П. Данилова и С. И. Якубовской сыграли важную роль в определении задач развития советского источниковедения, так как они способствовали выявлению внутренних причин его отставания, о котором говорилось на Всесоюзном совещании историков. Важнейшая из этих причин — недостаточное внимание к вопросам конкретного источниковедения.

Не случайно поэтому и то обстоятельство, что в последнее время на страницах журналов «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС» начали появляться, и это очень отраднo, статьи конкретно-историко-ведческого плана. Так, А. И. Гуковский в упомянутой статье убедительно показал важную роль вспомогательных исторических дисциплин (не только «старых», но и вновь возникающих) в развитии советского источниковедения. Поскольку автор стремился охватить все вспомогательные дисциплины, статья приобрела обзорный характер, что ограничило возможности более глубокого рассмотрения важнейших вопросов развития советского источниковедения.

Очевидно, что на данном этапе развития этой дисциплины конкрет-

¹⁹ «Вопросы истории КПСС», 1963, № 5, стр. 101.

²⁰ «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 168.

²¹ Там же.

ный анализ конкретных видов источников — магистральное направление. Работы С. Н. Валка, Е. А. Луцкого, М. Н. Черноморского и других авторов²² внесли определенный вклад в выработку методики анализа источников советской эпохи. Но не только специальные работы входят в актив конкретного источниковедения; к этой области относятся и источниковедческие наблюдения, приемы работы, успешные находки, а порой досадные заблуждения, имеющие место в крупных работах по истории советского общества. Собрать воедино и изучить приемы работы исследователей над советскими источниками — нелегкая, но благодарная задача. Часто считают большим достижением исследователя, если он в своей монографии публикует специальный параграф, посвященный источниковедческим проблемам. Конечно, это очень важно, но если во всей работе, кроме этого параграфа, который чаще всего носит информационно-обзорный характер, читатель не найдет следов авторской лабораторной работы над источниками, которые пронизывают все его исследование, делает его убедительным, то сам этот параграф повисает в воздухе.

Можно надеяться, что широкое изучение приемов работы над источниками в монографиях по истории советского общества поможет выявить наиболее целесообразную методику анализа различных видов источников, определить то новое, что вносится в источниковедение исследователями советской эпохи.

А новое вносится не только в тех случаях, когда перед исследователем новый вид источника, неизвестный ранее (фонодокумент, кинолента и пр.), но и в работе с так называемыми массовыми источниками. Чем ближе к нашему времени, тем большее количество источников сохранилось, тем острее встает вопрос о методике работы над ними, тем сложнее эта методика.

Под массовым источником мы разумеем такие документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность. По форме своей эти документы представляют определенный формуляр или зачатки его. Современное делопроизводство с его тенденцией к унификации и упрощению формы документа ежечасно «производит» эти массовые источники. Они сомкнутым строем движутся на исследователя, нередко пугая своей многочисленностью. Это кажущееся обилие влияет и на практику комплектования архивов — основной «материальной» базы исторического исследования.

Вопросы пополнения источниковедческой базы всегда волновали русскую историческую науку. Эту традицию выявления и собирания источников продолжают в новых условиях и советские историки. Пушкинский дом, Археографическая комиссия, рукописные отделы библиотек и музеев выявляют и собирают различные источники по истории дореволюционного периода. Стройная система архивных учреждений призвана обеспечить сохранность документальной базы по истории советской эпохи. Это обстоятельство породило в среде историков советского общества некоторое благодушие, «потребительский» взгляд на деятельность архивов. Поэтому такой важный вопрос, как научные основы комплектования архивов, выпал из поля зрения советского источниковедения. Между тем это вопрос о будущности исторической науки, о судьбах советского источниковедения.

²² См., например, С. Н. Валк. Документы 25 октября 1917 г. «Проблемы источниковедения». Т. VI. М. 1958; Е. А. Луцкий. Обращение Петроградского военнореволюционного комитета «К гражданам России», 25 октября 1917 года. «Проблемы источниковедения». Т. X. М. 1962; его же. Инструкция для проведения закона о социализации земли. «Археографический ежегодник за 1962 г.». М. 1963; М. Н. Черноморский. Промышленные переписи 1920 и 1923 гг. как исторический источник. «Проблемы источниковедения». Т. V. М. 1956.

В течение длительного времени архивные учреждения не были активными собирателями материалов советской эпохи. В архивы поступали в основном лишь те документы, которые ведомства считали возможным сдать. Контроль над деятельностью ведомственных архивов в целом ограничивался так называемой экспертизой дел, не подлежащих хранению. Была создана система «перечней», в которых указывались наименования документальных материалов и сроки их хранения. Это хотя и упорядочило дело уничтожения макулатуры, но вместе с тем создало и условия, при которых оказалось возможным уничтожение важных материалов. Не секрет, например, что такой важнейший источник, как делопроизводственная переписка, потерпел значительный урон.

В последние годы архивные учреждения стали активно вмешиваться в вопросы комплектования архивов. Сейчас архивные органы вырабатывают «перечни» материалов, подлежащих обязательной сдаче на государственное хранение, и определяют круг учреждений, от которых эти материалы принимаются. Вряд ли этот принцип может вызвать возражения. Он диктуется не только интересами науки, но и экономией государственных средств. Тревогу вызывает не сам принцип, а практика его осуществления. Совершенно ясно, что определение ценности документальных материалов — сложная работа, которая должна быть основана на совершенно четких, теоретически и практически проверенных положениях советского источниковедения.

Научно-информационный бюллетень ГАУ СССР в передовой статье «Некоторые вопросы развития теории советского архивоведения» правильно отмечал, что названные выше вопросы «могут быть решены лишь при конкретном изучении соответствующих комплексов документации, источниковедческом их анализе, в том числе и материалов среднего и низового звена, при участии в этой работе представителей различных отраслей знаний и прежде всего историков, экономистов и юристов»²³. Между тем практика говорит об обратном. В дискуссиях по вопросу комплектования, развернувшихся на страницах «Бюллетеня», не выступил ни один крупный историк или экономист. Факты, приводимые в статьях, посвященных описанию опыта применения нового принципа комплектования, вызывают тревогу. В некоторых областных архивах весьма своеобразно понимается ценность материалов «учреждений низового звена», то есть районного и сельского масштаба. Г. Ф. Козлова в статье «Экспертиза ценности документов народных судов»²⁴ сообщает, что за один год в Гомельском областном архиве было просмотрено 32 861 судебное дело и уничтожены дела (начиная с 1924 г.) по обвинениям в уклонении от уплаты сельхозналога, лесопорубках, засевах или захвате чужих земель, гражданские дела о разделе имущества, о возврате долгов и прочие. Практически уничтожены многие свидетельства о конкретных проявлениях классовой борьбы в доколхозной деревне и по ряду других вопросов. Из текста статьи не видно, чтобы при этом были проведены консультации с соответствующими специалистами.

В примечании к статье от редакции говорится: «Публикуя настоящее сообщение, редакция отмечает, что некоторые его положения, касающиеся выделения для уничтожения отдельных категорий дел, являются не вполне обоснованными»²⁵. Это спокойствие редакции архивоведческого журнала кажется по меньшей мере странным. Историкам, основным «потребителям» архивов, нужно отрешиться от «политики невмешательства»: критерии отбора документов на хранение должны разрабатываться не только архивистами, но и источниковедами-историками. Это

²³ «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 5.

²⁴ «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 91—93.

²⁵ Там же, стр. 93.

нужно сделать сейчас, когда еще не выработаны такие критерии, а главное — еще нет перечней материалов, подлежащих хранению.

На научной конференции по вопросам архивного дела в СССР, проведенной в мае 1964 г., где в специальной подсекции «Экспертиза ценности документальных материалов и комплектование ими государственных архивов» обсуждались эти вопросы, не было ни одного доклада специалиста-исследователя. Источниковедческий уровень сообщений, заслушанных на этой секции, судя по их тезисам, далеко не безупречен. Даже центральный доклад о научных основах экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектования ими государственных архивов, подготовленный тремя авторами — А. В. Елпатьевским, Т. Г. Коленкиной, В. В. Цаплиным, не содержит серьезных научных доказательств предложенных ими критериев отбора²⁶. Авторы стремятся доказать, что научную ценность представляют только те материалы, которые архивные органы намерены принимать, все остальное — «от лукавого» и ценности не представляет.

На наш взгляд, авторы должны были открыто заявить о практической необходимости такого подхода в определении ценности документов, призвав краеведческие, общественные и школьные музеи, а также другие организации собирать и хранить материалы, пусть недостаточно ценные для истории страны в целом, но имеющие значение для истории данного края или данной области общественной жизни. Вместо этого авторы доклада стремятся априорно выявить круг учреждений, документы которых могут представить интерес, а среди этих документов — те, которые достойны хранения. Конкретная разработка этих положений в других докладах доводит до логического конца подобные построения. В. Смальченко (Донецк) предлагает, например, ежегодно принимать на государственное хранение все материалы общественных университетов культуры и технического прогресса, театров народного творчества и народных консерваторий, общественных библиотек и детских яслей, народных дружин²⁷ только потому, что все эти учреждения созданы на общественных началах. В то же время материалы государственных библиотек районного звена, обычных яслей и детских садов, по смыслу основного доклада трех авторов, интереса не представляют.

Е. А. Жачкин из Горьковского облархива делится своими выводами о выборочном обследовании материалов Советов области, района, поселка²⁸. Она весьма убедительно показывает, что переписка в этих учреждениях гораздо ценнее протоколов или обзоров, которые почти всегда сохраняются, в то время как переписка уничтожается. Здесь же выдвигается тезис, аналогичный тому, который высказывался В. Смальченко — о хранении документов тех низовых Советов, которые перешли на работу на общественных началах. А как быть с сельскими Советами, не работающими по этому принципу, или с тем возможным случаем, когда все сельсоветы перейдут на общественные начала? Таковую поспешность в решении вопросов создания источниковедческой базы на долгий период вряд ли можно оправдать. Множественность критериев определения ценности материалов, торопливость организационных мероприятий, основанных на подобной теоретической базе, могут повредить делу. Это требует неотлагательной серьезной источниковедческой разработки значения массовых источников для исторической науки, так как именно данной категории документов грозит полное уничтожение.

В вышеназванном докладе трех авторов, стоящих во главе отдела комплектования ГАУ СССР, говорится о том, что отбор документов на

²⁶ См. «Оргкомитет по подготовке Всесоюзной научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. Тезисы сообщений на конференции». Вып. I. М. 1963, стр. 17—27 (в дальнейшем — «Тезисы»).

²⁷ «Тезисы». Вып. II. М. 1963, стр. 27.

²⁸ Там же, стр. 21—26.

государственное хранение вызван, между прочим, и «падением относительной ценности» содержания документальных материалов и «многократной повторяемостью определенного содержания в различных документах»²⁹. Отсюда делается вывод об уничтожении всего того, что нашло отражение в сводной документации («критерий отраженности, поглощенности»). При этом отбрасывается то обстоятельство, что свод всегда беднее, схематичнее, суше, чем многообразие фактов жизни. Курганская архивистка Л. Сивкова в сообщении «Критерии экспертизы ценности и отбора на государственное хранение документальных материалов колхозов и совхозов» весьма резонно указывает на несоответствие этого теоретического положения практической целесообразности и научной логике. Она отмечает: «Несмотря на то, что в соответствующих вышестоящих организациях имеются сводные данные об основных этапах развития сельского хозяйства, без документов колхозов и совхозов невозможно во всей глубине изучить участие колхозных масс и рабочих совхозов в коммунистическом строительстве»³⁰. Автор указывает на необходимость сохранить делопроизводственную переписку этого низового звена, которая, как правило, до государственных архивов не доходит³¹.

Такой первостепенной важности вопрос, как проверка достоверности сводных материалов при уничтожении их первоисточников, поставит в тупик любого исследователя. Можно даже утверждать, что при наличии научно поставленной статистики, в настоящее время регулярно публикующей сводные материалы, для исследователя социально-экономической истории советского общества гораздо важнее сохранение первичного материала, так как исследователь может группировать первичный материал в соответствии с задачами своего исследования, а сводные данные он может почерпнуть не только и даже не столько в архиве, сколько из соответствующих изданий ЦСУ. Схематичность многих работ по истории советского общества, излагающих директивный и отчетный материал о выполнении решений, в большей степени отражает состояние источников, которые попали в архив, уже пройдя сквозь сито хотя бы вышеназванного критерия ценности документальных материалов. Нельзя допустить, чтобы источники по истории строительства коммунизма в нашей стране отложились на архивных стеллажах в таком же обескровленном виде. Мы уже не говорим о той тенденции обработки дел для постоянного хранения, когда остаются только подлинники, но исчезают варианты, черновики и другие подготовительные материалы, отражающие весь процесс выработки коллективных решений.

Несколько слов о так называемом критерии дублетности, когда все возможные или предполагаемые дублиеты документов уничтожаются. Достаточно привести только один пример, чтобы стала ясна необходимость решения советским источниковедением и этого вопроса. В архив Госплана РСФСР поступил из текущего делопроизводства том материала статистического обследования районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 году. По характеру своего происхождения этот материал был «чужим», присланным для сведения, то есть дублетным. Он подлежал по существующим правилам уничтожению, но был сдан на государственное хранение в Госархив РСФСР и сразу введен в научный оборот³². Между тем до сих пор этот материал еще не сдан

²⁹ «Тезисы». Вып. I, стр. 23.

³⁰ «Тезисы». Вып. II, стр. 13.

³¹ О фактах гибели колхозных архивов говорится в статье Н. А. Ивницкого «Архивы колхозов должны быть сохранены» («Вопросы архивоведения», 1961, № 4, стр. 56—59).

³² См. М. П. Губенко. К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. (в свете нового источника). «История СССР», 1962, № 1, стр. 114—121.

в государственный архив тем учреждением, для которого он не дублетный, а «свой». Ведь не секрет, что ряд материалов труднодоступных ведомственных архивов изучается в архивах других ведомств, куда они посылаются для сведения, но при сдаче на госхранение эти материалы уничтожаются как дублетные. А это порой на многие годы задерживает изучение актуальных проблем истории советского общества.

Мы остановились на самой острой проблеме комплектования — во-просе о массовых источниках, которая требует серьезной теоретической разработки, но есть и другие острые проблемы (сбориание личных фондов и особенно запись воспоминаний о событиях социалистического строительства). Однако решение их зависит только от организационных мероприятий по сбору личных фондов и воспоминаний³³.

Таким образом, та практика, которая намечается в области комплектования массовых источников, по сути своей является своеобразным применением пресловутого «иллюстративного метода», против которого ведется упорная борьба в исторической науке. Существуют, к сожалению, приверженцы этого метода и в такой близкой источниковедению области, как археография. Мы имеем в виду так называемый отборочный метод публикации источников. Основным видом публикации при этом «методе» является лишь тематическая подборка, вполне оправданная в журнальной практике «Красного архива», особенно в первом десятилетии его существования, когда почти каждая публикация была провозвестником начала разработки новой темы. В дальнейшем, однако, тематическая публикация постепенно вытеснила все другие виды фундаментальных публикаций. При этом не только было забыто то весьма ценное указание в передовой первого номера «Пролетарской революции» о необходимости дополнения тематической публикации сводкой менее ценных документов, которые не могли быть опубликованы, но и начались поиски «теоретического» обоснования «метода» отбора. Иным археографам казалось, что они нашли это обоснование в действительно научном и широко применяемом в статистике выборочном методе, но дело в том, что при выборочном методе в статистике каждой единице совокупности обеспечивается равная возможность попасть в выборку. В недавней археографической практике из совокупности документов отбирались только те единицы, которые казались археографу «типичными», «важными». Поэтому теория отбора прикрывала волюнтаризм, субъективизм в освещении объективного исторического процесса. Даже в сборниках, вышедших на местах к 40-летию Великого Октября, этот отбор, в сущности, сводился к «подгонке» документов под общероссийскую схему. Если, например, большевики в некоторых городах получили большинство в Советах раньше или позже, чем в Петрограде, то это обстоятельство в сборниках стремились обойти. Деятельность мелкобуржуазных или буржуазных партий и групп, трудности борьбы с ними в период подготовки и проведения Октябрьской революции едва затронуты в этих сборниках³⁴. Совершенно естественно, что при отборе в первую очередь приносились в жертву массовые источники, те самые исторические подлинники, которые отражают процесс исторического творчества миллионов, а «теория» отбора «доказывала» «глубокую научность» игнорирования этих источников. Исследователь же, приходя в архив, вновь проделывал ту же самую работу по выявлению документов, которую до него проделал археограф, и убеждался в том, что так называемые «отраженные» документы как раз отражают диалектику жизни. Подобный принцип отбора документов стал тем источниковедческим приемом, который способствовал развитию субъективизма в

³³ Подробнее об этом см. «Вопросы архивоведения», 1959, № 2.

³⁴ См. рецензии на эти сборники Е. А. Луцкого в «Историческом архиве» (1958, № 5), Г. А. Арутюнова, Н. А. Ивницкого, С. Н. Иконникова, Г. А. Конюхова, Б. Г. Литвака в «Вопросах истории» (1958, № 7).

исторической науке. В виде реакции на это явление в настоящее время раздаются голоса против тематических сборников³⁵. Полагаем, что тематическая публикация наряду с видовыми и пофондовыми должна быть сохранена в арсенале научных публикаций. Она должна выполнять функции разведчика в овладении новой тематикой или новым решением вопроса. Обязательным условием при этом должно быть помещение в виде приложений к опубликованным документам регест всех выявленных документов, не вошедших в сборник³⁶. В качестве примера такой научной тематической публикации можно назвать серию сборников «Крестьянское движение в России в XIX—начале XX в.» под редакцией Н. М. Дружинина.

Поскольку все усилия археографов были направлены на разработку методики отбора, в настоящее время, когда интересы исторической науки требуют расширения пофондовых и особенно видовых публикаций, стала очевидной необходимость глубокого источниковедческого анализа отдельных видов документов, отдельных фондов и выработки методики их публикации и изучения. Вопрос сейчас заключается не в том, нужно ли изучать всю совокупность источников по определенной теме, а в том, как это делать. На первый план и здесь выдвигается разработка методики изучения массовых источников.

Интерес к изучению массовых явлений социально-экономического, этнографического, демографического характера всегда был составной частью общественной деятельности передовых людей России начиная с М. В. Ломоносова. Однако массовые источники все же не стали объектом изучения дореволюционных авторов. Такие массовые источники, как инвентари, подворные описи, уставные грамоты и выкупные акты, крестьянские жалобы, расчетные книжки, книги актов и договоров волостных правлений, начали интенсивно изучаться лишь в советское время. Когда на закате русской буржуазной исторической науки А. С. Лаппо-Данилевский приступил к разработке методики анализа сравнительно массового источника—грамот коллегии экономии,— то в ее основе лежали формальные приемы, привычные по работе с уникальными источниками. Отсюда ясно, что советское источниковедение не может наследовать от буржуазного даже технику работы с массовыми источниками, не говоря уже о центральном вопросе источниковедения массовых источников — группировке сведений.

Ленинская критика методики земской статистики — самого высокого достижения буржуазного источниковедения в области изучения массовых явлений — составляет основу методологии и методики работы над массовыми источниками не только статистического, но и любого другого характера. Требование «учета массовых», а не «примерных данных», которое В. И. Ленин выдвинул при исследовании «экономического строя современных государств»³⁷, он переносил и на область «явлений общественных»³⁸. Следовательно, задача источниковедения массовых источников состоит прежде всего в определении их видов (при этом важную роль играет изучение формы документа, его основных повторяющихся составных частей), в оценке содержания каждого в отдельности документа и возможности свода единичного факта в группу ему подобных, составление вариантов группировок, соответствующих задачам исследования. Количество видов массовых источников по истории советского общества, даже не считая первичных статистических, огромно, что объясняется прогрессивным процессом стандартизации документов в дело-

³⁵ См., например, А. И. Гуковский. Указ. соч., стр. 62.

³⁶ Подробнее об этом см. Б. Г. Литвак. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 186—194.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 323; т. 24, стр. 274—281.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350.

производстве. Нет необходимости здесь рассматривать методику работы над статистическими первоисточниками. Важно только подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда мы располагаем опубликованными сводными данными, первичный материал дает возможность осветить такие вопросы, которые в момент составления свода не ставились или не интересовали статистиков³⁹. Кроме того, определение достоверности или происхождения данных статистических сводов значительно облегчается при их сопоставлении с документами первичного статистического учета.

Трудно найти исследование по истории коллективизации сельского хозяйства нашей страны, в котором не было бы ссылок на статистические данные сборника «Кооперация к XV съезду ВКП(б)», изданного в 1927 году. Сборник привлекает исследователя и формой изложения материала и многочисленностью таблиц. Тот факт, что он готовился к съезду и был вручен его делегатам, подкреплял уверенность в достоверности фактического материала, а главное, в нецелесообразности специальной выверки точности данных. Однако сравнение опубликованных сведений с первоисточниками, собранными в фонде союза союзов сельскохозяйственной кооперации в виде «Материалов о состоянии с.х. кооперации к XV съезду ВКП(б)»⁴⁰, позволяет уточнить ряд важных сведений. В книгу не вошли материалы о влиянии сельскохозяйственной кооперации на повышение общей доходности кооперативных хозяйств, о росте посевных площадей, о динамике производственного кооперирования. Поскольку в материалах отложились данные, проверенные и уточненные уже после издания книги, то они не совпадают со сведениями сборника. Однако самое важное преимущество первичного материала в данном случае состоит в том, что он раскрывает происхождение различных цифр, чего нельзя установить по изданному сборнику. Так, например, в сборнике указывается, что на 1 октября 1926 г. в стране существовало 12 099 колхозов⁴¹. Этот показатель очень важен для истории начального периода коллективизации, но, к сожалению, по тексту сборника нельзя установить происхождение этой цифры. Между тем собранные союзом союзов сельскохозяйственной кооперации данные четырех ведомств (Наркомзем, Наркомфин, ЦСУ и Колхозцентр РСФСР) содержат расчленения на виды кооперативных хозяйств (коммуны, артели, тозы), и их итоговые цифры последовательно составляют по различным ведомствам: 15 207, 9 385, 10 063, 11 851 колхоз. Этот разноречивый легче объяснить, чем происхождение цифры в сборнике: он вызван тем, что Наркомзем учитывал все, в том числе и «дикие» колхозы. Наркомфин — только те, которые являлись юридическими лицами в кредитных операциях, а Колхозцентр, опираясь на сведения своего предшественника — колхозсекции, исключал из итоговых данных количество «диких» колхозов. Поскольку ЦСУ РСФСР не вело первичного учета колхозов, его цифра представляет, очевидно, приблизительную среднюю. Можно предполагать, что итоговая цифра в сборнике является арифметической средней предварительных данных Наркомзема, Наркомфина и ЦСУ, так как средняя окончательных данных этих ведомств — 12 147 — близка к цифре, приведенной в сборнике. Мы привели этот пример только для того, чтобы показать значение массового первоисточника статистических данных даже при наличии свода.

Вместе с тем существуют десятки видов документов не статистического значения, вполне пригодных для свода. По своей форме эти доку-

³⁹ Много сделал в этом плане М. Н. Черноморский, опубликовавший ряд статей, основанных на первичных статистических источниках. Принципиально важные вопросы истории национализации промышленности СССР удалось решить В. З. Дробижеву по первичным материалам промышленной переписи 1918 г. (см. «Вопросы истории». 1964, № 6), сводные итоги которой давно опубликованы.

⁴⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 3983, оп. 2, д. 20, лл. 47—104.

⁴¹ «Кооперация к XV съезду ВКП(б)». М. 1927, стр. 103.

менты распадаются на две отчетливо распознаваемые группы: с выработанным и строго определенным формуляром и без строгого формуляра. Из первой группы можно назвать часто встречающиеся анкеты (не только по учету кадров, но и вопросники по различным сюжетам). Все информационные материалы, присылаемые огромной армией агитаторов и эмиссаров, которые рассылались на места в первые годы Советской власти, чаще всего являлись своеобразными ответами на заранее разработанный вопросник. Интересны в этом отношении анкеты Наркомата внутренних дел, разосланные для заполнения волостным исполкомам в апреле — мае 1918 года. В них содержится более 40 вопросов, которые охватывают буквально все стороны жизни волости и Совета, историю его организации, структуру и т. д. П. Н. Абрамов, обработавший данные свыше 1 000 волостных Советов, значительно продвинул вперед изучение истории установления Советской власти на местах⁴². Аналогичные по форме анкеты обнаружил Н. В. Ефременков. Они содержат сведения о состоянии коллективных хозяйств в Екатеринбургской губернии в первые годы Советской власти⁴³. В фонде Наркомпрода есть анкеты о продотрядах. Д. А. Чугаев разыскал и обработал донесения агитаторов ВЦИК, действовавших во всех уездах Саратовской, Тамбовской, Тверской, Ярославской, Вологодской и Новгородской губерний⁴⁴. Эти донесения по своему характеру являются ответом на вопросники ВЦИК, хотя и не имеют разработанного формуляра.

Такая форма массовых источников встречается не только в документах начального периода Советской власти. В наше время они распространены еще более широко.

Все массовые источники, имеющие формуляр, могут быть обработаны табличным методом, когда каждая часть формуляра превращается в отдельную графу таблицы, а содержание (факт, зафиксированный в этом документе) вносится в одну из этих граф. Первоначальная стадия работы по «превращению» массы единичных документов в подробный «конспект»-таблицу не предусматривает никаких группировок — каждый единичный документ «укладывается» в строку таблицы.

Если же перед нами массовые источники, не имеющие формуляра, то для их обработки может быть применен анкетный метод, заключающийся в том, что исследователь намечает такой круг вопросов, на которые документ сможет дать ответы, в совокупности своей представляющие научную ценность. Этим способом могут быть подготовлены для изучения, например, такие массовые источники, как материалы бюро жалоб различных ведомств, письма трудящихся в советские и партийные органы⁴⁵, в органы печати, материалы народных обсуждений — этой новой формы проявления социалистической демократии; протоколы заседаний и отчеты низовых государственных и общественных организаций. Назовем и такой вид массового источника, как «поручения», занимающие большое место в делопроизводстве высших государственных и плановых органов. По «поручениям» можно изучить не только многообразие живого творческого процесса изменения плановых заданий, причины существенных коррективов в перспективном и текущем планировании, но и получить особенно ценные для исследователя сведения об осуществлении планов. Обычно «поручения» являются следствием инициативы мест

⁴² См. «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 197 и сл.

⁴³ См. «Исторический архив», 1959, № 5, стр. 71.

⁴⁴ См. Д. А. Чугаев. История создания и упрочения Советского государства. М. 1964, стр. 15.

⁴⁵ Э. Б. Генкиной удалось убедительно показать на основании анализа только части крестьянских писем и жалоб, поступавших в аппарат Президиума ВЦИК, и запросов на места по этим материалам настроение крестьянства в конце 1920 — начале 1921 г. (Э. Б. Генкина. В. И. Ленин и переход к новой экономической политике. «Вопросы истории», 1964, № 5, стр. 4.)

(обращения, предложения, ходатайства советских, партийных и хозяйственных органов в Совет Министров Союза ССР). «Поручение» — собственно, не один документ, а весь комплекс материалов по определенному вопросу, начиная от сравнительно мелких до принципиально важных, например, о быстром освоении обнаруженного уже после составления плана дешевого источника сырья и т. д. Можно смело утверждать, что материал этих «поручений» — как раз тот недостающий многим работам источник, отсутствие которого приводит к часто встречающимся казусам в исследовании, когда утвержденный государственный план воспринимается априорно, как реально осуществленный. По «поручениям» можно изучать совершенно конкретно влияние трудящихся масс, их опыта, их устремлений на решения правительственных органов. Между тем исследователи до сих пор игнорируют этот источник именно потому, что он массовый. Но анкетное обследование его, ограниченное хронологическими, тематическими и территориальными рамками, значительно облегчило бы работу исследователя, обогатив ее интересным материалом.

Как анкетный, так и табличный методы по природе своей не терпят иллюстративности, ибо они не отбирают те или иные факты, а концентрируют их во всей совокупности. Это основная задача первой стадии работы с массовыми источниками. Вторая стадия — группировка фактов, что непосредственно связано с конкретными задачами исследования. Как видим, первоначальная стадия работы с массовыми источниками — это практически первоначальная стадия программирования, то есть, грубо говоря, подготовка «однородного сырья» для электронно-вычислительной машины. Дальнейшая же работа, если иметь в виду применение этих машин, довольно подробно изложена в статье И. Д. Ковальченко, В. А. Устинова «Применение электронных вычислительных машин в исторической науке»⁴⁶. Ясно видно, что развитие источниковедения массовых источников — необходимое предварительное условие внедрения ЭВМ в историческом исследовании⁴⁷. Опыт «анкетирования» массовых источников может быть применен и в конкретно-социологических обследованиях, которые в последнее время получили известное развитие.

Работа с массовыми источниками требует коллективных усилий исследователей и является благодарным поприщем для перехода от первой стадии «коллективных» работ, которая практически сводится к искусственному сложению индивидуальных микромонографий, к настоящей коллективной исследовательской работе по важнейшим темам современности с охватом всех отражающих тему источников, с единым планом и методикой исследования.

Итак, мы полагаем, что для дальнейшего развития советского источниковедения существенное значение имеет непосредственная разработка методики изучения массовых источников. Эта проблема не только научно актуальна, ибо разрешение ее будет означать бесповоротное исчезновение «иллюстративного метода», но и практически неотложна для тех, кто отдает себе отчет в великой ответственности нынешнего поколения историков за сохранение всего богатства источников по истории советского общества.

⁴⁶ См. «Вопросы истории», 1964, № 5, стр. 54—67.

⁴⁷ В. М. Хвостов при обсуждении вопросов методологии истории правильно отметил, что «одна из основных проблем предстоящих методологических исследований — это вопрос о приложении математических методов к социологическим работам, к истории и прежде всего к экономической истории» (см. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 40). Однако эта задача без разработки конкретной методики изучения массовых явлений или массовых источников, наиболее полно отражающих эти явления, не может быть решена.